

- Лёха, что случилось? Тебя к начальнику Управления вызывают.
- У него и спроси. Чего ты ко мне-то привязался? Министром меня хотят назначить, вот и приглашают – согласия спросить.
- Да пошёл ты.., шутник нашёлся. Петросян недоделанный.

* * *

– Присаживайся!

Начальник криминальной милиции Анатолий Васильевич Сафонов отодвинул стул за приставным столиком в своём огромном кабинете.

– Ты это серьёзно?!? – непонятно, то ли с чувством облегчения, то ли, наоборот, с глубокой озабоченностью в голосе, заглядывая мне в глаза, спросил он и положил на стол передо мной мой же собственноручный рапорт, изрисованный вдоль и поперёк визами руководителей различного уровня.

Начальнику Управления внутренних дел
Восточного административного округа
города Москвы, полковнику милиции
В.Ф. Чемисову

РАПОРТ.

Прошу Вас направить меня в командировку в республику Чечня, для оказания практической помощи в наведении Конституционного порядка.

Дата. Подпись.

Всё чётко, коротко и понятно, и никаких рассусоливаний – «соплей в сахаре», что нужно было бы уточнять и конкретизировать.

– И всё-таки я не понимаю. Двое «оперов» отказались от этой командировки, вплоть до увольнения, невзирая на перспективу повышения по службе после возвращения, а тут мне твой рапорт приносят, причём без всяких условий. Ты точно осознаёшь серьёзность своего решения?

– Товарищ полковник.., Анатолий Васильевич! Я бывший десантник; причём, той – старой школы, где учили выполнять боевую задачу, и оставаться в живых. Да и здесь в уголовном розыске я научился ориентироваться «где право, где лево», головой работать. Спасибо Вам за это, – добавил я без всякой лести. – А ребят без подготовки жалко. Они едут туда повинность отбывать, а не работать. И ни здесь, и ни там толку от этой командировки не будет – только разнарядку закроете. А насчёт серьёзности, так, как бы пафосно это не звучало, но мне страну жалко: Советский Союз разва-

лили, теперь вот за Россию взялись. Поэтому прошу принять решение по существу моего рапорта.

В кабинете повисла гнетущая тишина. Насчёт разнарядки я, наверное, зря ляпнул. Может, обидел его, хотя даже если и так, то пусть обижается, всё равно дальше Чечни не пошлют и ниже «опера» не разжалуют.

– Ну, как знаешь, это твой выбор, – прервал Анатолий Васильевич затянувшееся молчание, – хотя не хочется тебя отпускать...

И уже после тяжёлого вздоха:

– Затянет тебя Кавказ!.. Может, живым и оставит, но душу и любовь заберёт навсегда. Стремление вернуться туда засядет, как ржавый гвоздь – не вытащить никакими щипцами. Как для меня не ослабляет своей мёртвой хватки Дальний восток.

И ведь, как в воду смотрел, пророк в полковничьих погонах, накаркал ясновидящий криминальной милиции. Закрутила меня круговерть Кавказских командировок, и уже непонятно, где по времени я больше находился: здесь или там. И опять же – что считать «здесь», а что – «там»: Москва? Владикавказ? Назрань? Нальчик? Грозный??? Первая Чеченская, вторая Чеченская кампании, выборы в Карачаево-Черкесии, ликвидация последствий Осетино-ингушского конфликта. «Опер» в мобильном отряде, руководитель спецгруппы, начальник отдела по борьбе с организованной преступностью, «важняк» ГУБОП, начальник спецподразделения.

Но даже в этой непредсказуемой жизненной круговерти Господь всегда даёт выбор: либо стоять насмерть, невзирая ни на что, оставаться самим собой, быть преданным Родине, Вере, Флагу, Дружью, либо прогнуться и потом подбирать, один лучше другого, оправдания своему малодушию.

Кавказ для меня стал второй родиной, где смерть действительно нередко с издёвкой заглядывала в глаза, но обошла стороной лишь для того, чтобы, щекоча и играя на нервах, накрепко связать мою перевернутую жизнь с этой землей честью, долгом, памятью и скорбью. Скорбью от невозполнимых потерь и гордостью за героев, отдавших жизнь, но не дрогнувших перед выбором между честью и жизнью.

– ...у него был выбор, чтобы остаться в живых, – надменно улыбаясь, считая себя вершителем судеб, с издёвкой в голосе признался в убийстве Евгения Родионова бригадный генерал Ичкерии Руслан Хайхороев, нисколько не стесняясь иностранного представителя ОБСЕ. – Он мог бы жить, мог бы веру сменить и жить, но он не захотел с себя креста снимать.

ДА!!! После ста дней плена и жестоких пыток бандиты предложили Евгению Родионову изменить вере, снять нательный крест и принять ислам. Казалось бы, от голодного, избитого, замученного пацана требовали немногого; всего лишь собственноручно снять крестик, как символ веры, но он отказался, за что был жестоко казнён в свой девятнадцатый день рождения. С ужасом в глазах и разорвавшимся сердцем Женю опознала его мать по нательному кресту с запёкшейся на нём кровью, который был найден в могиле на обезглавленном обезображенном теле.

Не этот ли крест, став границей между личным и вечным, наполнил особым духом и мой маленький крестик на чёрной капроновой верёвочке, надетый через склонённую перед иконами голову протоиереем Владимиром Тимаковым, благословившим на этот нелёгкий путь в захваченную бандитами, израненную Чеченскую республику.

– Чай, не на разборки собрался, – впервые услышал я в лексиконе отца Владимира слова, более употребляемые в криминальном общении, нежели в напутственном благословлении интеллигентнейшего священника, сопровождаемые укоряющим взглядом, нацеленным на мой распахнутый рот. – С твоим золотым крестиком, да на этой цепи толщиной в палец не на войну ехать, а прямо в кресло «пахана» садиться. Так что, мой дорогой, засунь ты эту никчёмную кучу золота в кубышку в дальний ящик, как резерв на чёрный день, а на груди надо носить «спаси и сохрани».

Слегка припадая на левую ногу, он подошел к своему рабочему столу, достал маленький нательный крестик со Спасителем на серебристо-перламутровом фоне и, закрепив его на простой капроновой верёвочке, перекрестив, благословил меня.

– А, теперь, мой дорогой, с Богом вступай в воинство таких же милиционеров, оставивших свою привычную устоявшуюся жизнь со своими радостями и сложностями, прелестями и разочарованиями. И уж если сподобил тебя Господь на защиту Отечества, то там – на войне – живи по совести. Без страха и оглядок отдавайся своей работе, спасай и вытаскивай людей из плена, не давая им, не дай Бог, без колебаний повторить подвиг Евгения Родионова.

Припекающее полуденное солнце и стойкая нелюбовь к пустому времяпровождению в кабинетах, тем более в чужих кабинетах, манили и просто гнали меня на улицу. Культурно извинившись перед начальником оперативно-розыскного бюро Ахмедом Хасамбековым, гостеприимно предложившим мне подождать начала совещания в его кабинете, я предпочёл остаться наедине со своими мыслями, вдыхая насыщенный неповторимыми запахами, ни с чем несравнимый Грозненский воздух. Тем более, после назначения начальником отдела по борьбе с организованной преступностью оперативной группировки МВД России на Северном Кавказе, у меня не часто выпадает такая возможность беззаботного уединения и душевно-морального расслабления.

Неожиданно образовавшийся зазор свободного времени и желание обыкновенной прогулки под тёплым солнцем, не задумываясь, вытащили меня на улицу, предоставив самому себе и этим философско-патриотическим мыслям, которые вместе с какими-то беспричинно тревожными чувствами волнами накатывали, не давая насладиться красотой насыщенного синевой, безоблачного Чеченского неба. «Размышлизмы» в философствующей голове и трепетный душевный настрой помогали мне впустую убивать время, бесцельно слоняясь по территории ОРБ № 2 Северо-Кавказского РУБОП, дожидаясь начальника мобильного отряда МВД, опаздывающего сюда на совещание для организации совместных мероприятий по реализации оперативной информации об оборудованном в лесном массиве недалеко от Старого Ачхой лагере боевиков и схроне со взрывчаткой, подготовленной для проведения террористического акта.

Задумываясь о месте проведения операции, одна мысль не давала покоя: ведь Старый Ачхой совсем рядом с Бамутом, где погиб Родионов Женья. А может даже и этот установленный нами бандитский лагерь обогрёт его кровью, наполнен его мужеством. Но обволакивающие сознание безделье и умиротворённое блаженство греющегося на солнце кота, размазывало по голове тонким слоем и затуманивало даже эти, казалось бы, без сомнения концентрирующие и вбрасывающие в кровь адреналин невесёлые мысли.

Наслаждение беззаботным одиночеством и неторопливое шатание «куда глаза глядят» лишь бы быть на солнышке, завели меня за здание ОРБ, где мой взгляд привлекла размашистая крона чёрной шелковицы. Увидев её, я уже заранее почувствовал во рту кисло-сладкий вкус спелых ягод и для реализации своих ненасытно-пожирательных желаний, ускорив шаг, целенаправленно двинулся к дереву. Но, к сожалению, я оказался не единственным страждущим вкусить лакомых плодов. Увы, к моему прискорбию, ростом я сильно уступаю могучим «СОБРовцам», уже успевшим ободрать всю спелую ягоду на уровне, куда можно дотянуться без стремянки и лестницы.

Но с потаённой надеждой, как в детстве весной выискивали мы в пирамидках соцветий сирени пятилепестковый цветок, чтобы, спрятав его во рту, загадать самое сокровенное желание, так и сейчас в многообразии несозревших пока бледно-розовых ягод выискиваю я ту единственную почерневшую спелую шелковицу, чтобы положить её в рот для ощущения полного счастья – гармонии духа, света, тепла и вкуса. Иисус Христос говорил: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдёте; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит. И, в подтверждение Святому Благовествованию, я увидел зацепившуюся за ветку, укрывающуюся от голодных взоров зелёным листком пурпурно-чёрную, налитую соком аппетитную ягоду, ожидающую меня на шутиливо-издевательской, совсем чуть-чуть недостижимой высоте, надсмехающейся над моим ростом.

Приподнявшись на носках, весь вытянувшись в струнку, в надежде вдохнуть с очередным глотком воздуха недостающий сантиметрик роста и дотянуться до заветного плода, я застыл, впившийся взглядом в глянцево-блестящую на солнце ягоду, с каждым мгновением становившуюся всё желаннее и желаннее. Весь мир вокруг застыл в ожидании развязки.

Вдребезги ломая всё жизненное представление о мироздании, физике и объективной реальности, ягода стала медленно-медленно приближаться, проплывая мимо протянутой к ней руки, к моему обалдевшему лицу. Это движение длилось целую вечность, растянув короткое мгновение на всю оставшуюся жизнь, не давая осознать, что это не она, а я, как в замедленной съёмке, лечу навстречу границе между жизнью и смертью, где последней чертой будет нереально притягательная, но чёрная, как потусторонний мир, ягода шелковицы. Взрыв КАМАЗа, начинённого взрывчаткой, под управлением террориста-смертника влетевшего на территорию ОРБ, накрыл меня с головой, подбросив взрывной волной, рубанул по всему телу, невероятной силой саданул по ушам, просто рас-

плющив, разmozжив мою голову оглушительной жуткой болью. Раздавил меня как яичную скорлупу. Я даже не услышал грохота взрыва. Удар. Боль. Темнота. Пустота. И ВСЁ...

Никакого света в конце тоннеля, никаких видений, встреч с предками, бесед с ангелами, ни даже отходящей грешной души, – просто ни-че-го. Первой начала возвращаться боль. Страшная боль в гудящей, просто ревущей голове, которую я сжал что есть силы руками, не давая ей разорваться изнутри. Потом включилась лампочка с неимоверно ярким, режущим, разрывающим глаза светом, от которого невозможно избавиться, даже свернувшись клубком, поджав колени, зарываясь лицом в землю. Боль, звон, резь и вдруг какой-то внутренний неосознанный ужас, неимоверное желание стремглав убежать, во что бы то ни стало исчезнуть из этого страшного места, ужас, сто-крат перекрывающий яркий убийственный свет ничего не видящих глаз. Вскочив и пробежав на заплетающихся ногах несколько шагов, я упал, захлёбываясь собственными рвотными массами, выворачивающими всего меня изнутри тошнотными спазмами. И снова резко выключили свет, всё оборвалось.....

Очнулся я на кровати в импровизированном персональном домике начальника штаба Чеченского ОМОН Дахиева Бувади. С этим переделанным из сарая домиком знакома вся Чечня не понаслышке; его, за глаза, бойцы называют дачей, да и на этой кровати не раз приходилось мне отдыхать после ночных оперативно-боевых мероприятий. Но сейчас вместо приветливого лица Бувади я увидел огромную бородатую голову с ручищами, в ладонях которых солдатская алюминиевая кружка кажется небольшим напёрстком.

– Бецан Чорпа, – прорычала голова, поднося к моему лицу утопающую в кулаке кружку. Затем пальцами свободной руки громила сжал мою нижнюю челюсть с такой силой, что она без сопротивления раскрылась, и он, не проронив ни капли, стал вливать содержимое кружки в мой рот. Ничего отвратительнее я никогда даже не пробовал в своей жизни, но эта гадость, к удивлению, не вызвала рвотного позыва. Может, всё только из-за того, что меня уже всего без остатка вывернуло там, под деревом, в прошлой жизни. Но для порядка я всё-таки попытался отказать, трепыхаясь и дёргаясь, создавая видимость сопротивления.

– Бецан Чорпа – это отвар трав, – услышал я из-за изголовья знакомый голос Бувади. – Выпей и расслабься. Это наш человек. Он не одного бойца с того света вытащил, и ты уже к послезавтраму будешь, как новенький. А то эти эскулапы тебя залечат до госпиталя, а там, глядишь, и комиссуют – это у них на раз.

И протяжно так, со вздохом добавил:

– Кровь у тебя из левого уха шла – а это плохо. Но ничего; отремонтирует он тебя, даже не сомневайся.

А громила, ни на секунду не прекращая своих колдовских действий, смочил полотенце в тазике с не менее вонючей жидкостью, укутал им мне всю голову вместе с лицом. Затем обхватил своими огромными лапами, спрятав в ладонях замотанную полотенцем гудящую колокольным звоном башку, сдавил её, делая пальцами упор на какие-то только ему одному известные точки, бормоча свои неразборчивые заклинания на чеченском языке. Мне стало тепло и уютно, ко мне вернулись обыкновенные человеческие чувства, я почувствовал, что очень сильно устал. Я закрыл и без того закрытые полотенцем глаза и заснул. Не вырубился, а именно заснул.

Проснувшись, я увидел всё то же колдующее надо мной бородатое лицо, которое уже не казалось таким пугающе страшным.

– Могушала муха ю хьан, – прорычал он, увидев моё пробуждение, и, довольный результатами своего труда, обнажил в улыбке давно не встречающиеся со щёткой жёлто-коричневые зубы.

– Могушала муха ю хьан, – более жёстко произнёс он и уставился на меня немигающим взглядом, впервые перестав ворожить над моим бранным телом.

Я был похож на аэронавта-землянина, который, ударившись башкой со всего космического разбега о марсианскую поверхность, впервые увидел пытающихся войти с ним в контакт местных жителей, изыясняющихся исключительно на своём марсианском языке, да ещё и с каким-нибудь Элизийским заэкваториальным диалектом.

– Как ты себя чувствуешь? Как Ваше здоровье? – увидев моё неподдельное напряжение, а вернее полное непонимание в общении с громилой, перевёл мне боец, заменивший Бувади в моём изголовье.

– А как может себя чувствовать человек, вернувшийся с того света? – слегка заплетающимся языком вопросом на вопрос ответил я. – Готов в ноги поклониться своему спасителю.

– Да вы ВСЕ должны в ноги упасть вашему спасителю! – с каким-то надрывом, пресекая всякую иронию в разговоре, произнёс переводчик. – Должны молиться всем своим Богам за бойца СОБР, который нёс дежурство на посту у въездных ворот в РУБОП.

Это он, увидев резко свернувший с дороги на огромной скорости КАМАЗ, который, протаранив ворота, несётся к зданию ОРБ, не стал дозваниваться до дежурной части, как того требовала инструкция. Он просто встал в полный рост на пути летящего напролом автомобиля и, расправив плечи, долбил грузовик пулемётной очередью пока не остановил его смертельный полёт.

Он осознавал, он понимал – НЕТ!!! Он уже точно знал!!! – что несёт эта мчащаяся машина смерти. У него был выбор: сделать всё по инструкции, дозвониться, доложить и, ожидая приказа, наблюдать как несколько тонн взрывчатки, словно карточный домик, развалит пятиэтажное здание оперативно-розыскного бюро, похоронив в руинах, работающих в кабинетах и отдыхающих в общежитии коллег, сослуживцев, друзей. Либо, до конца оставаясь верным единоклюбу данной Присяге, ценой собственной жизни прервать прорыв террориста-смертника. Он без колебаний выбрал верность долгу и Присяге!

Машина, вывернув руль, споткнулась об нить пулемётной очереди, припала на подкосившееся разорванное в клочья колесо, уткнулась расстрелянным двигателем в грудь не отступившему ни на шаг бойцу и заглохла. И через секунду неимоверной силы взрыв разметал по округе останки автомобиля на сотни метров, мгновенно зачислив героя-«СОБРовца» в бессмертный ангельский полк. Выбив все окна вместе с рамами, откалывая от здания осколки кирпичей, ломая кровлю и выворачивая мощные стропила крыши, взрывная волна накрыла меня, осыпав листвой и плодами чёрной, как смерть, шелковицы. Всё потухло... Но не дрогнуло здание, как не дрогнул боец, положивший за это жизнь.

На следующий же день, без лишних разговоров и совещаний, не откладывая в долгий ящик, реализацию нашей информации осуществили военнослужащие Министерства обороны, идеально отработав артиллерией по лагерю боевиков, не оставив там камня на камне, разметав и уничтожив вместе с лагерем все улики и зацепки для дальнейшей оперативной работы. Как военные, они, конечно, молодцы!!! – ликвидацию базы противника провели на «пять с плюсом», отработав полученные координаты квадрата, словно по учебнику. Но для нас-то они, как слон в посудной лавке, оборвали так необходимые нам нити, разрабатывая которые можно дальше устанавливать и выявлять бандитов, обнаруживать места содержания пленных и заложников, спасая такие хрупкие и бесценные человеческие жизни.

* * *

– Товарищ генерал! Олег Валентинович! Я эти пять дней в Чеченском ОМОНе был, – ни словом не отступив от истины, оправдывался я перед начальником группировки.

– А, что ты там делал, позволь тебя спросить?... Бандитов ловил? Или бабу себе завёл? Так ведь, насколько мне известно, ни тех, ни других там не водится!!!

На такую постановку вопроса я явно не рассчитывал. Все давно уже привыкли, что некоторые наши БОПовские мероприятия могут затянуться во времени и переместиться в пространстве так, что спрогнозировать конечную точку практически невозможно. Поэтому докладывать уже по факту у меня вошло в привычную практику. А когда нет результата и нечего докладывать, я затягиваю песню о перспективах, размусоливая прекрасные мечты об идеальном будущем, вплетая в свои «рассказки» полученную информацию и предыдущие наработки.

А тут вопрос в лоб, с заранее известным ответом, требующим лишь правдивого подтверждения. Выкручиваться и изворачиваться в такой ситуации – только накликать гнев на свою голову. Поэтому опуская то, что я уже наверняка знаю, что он знает всё, и об этом знаю я, мне захотелось сократить до минимума часть своего повествования, перейдя сразу к сути.

– Я вполне здоров и готов работать как прежде, – вытянулся я перед генералом, насколько это было возможно с гудящей головой демонстрировать бравый вид. – А пять дней я не отсутствовал, я честно в Чеченском ОМОНе был и даже кое-какую информацию нарыл.

Попытался я и ответить, и сразу же перевести разговор в другое русло. Но Хотин одним только

взглядом прервал моё лепетание. И не отводя своего проникновенного изучающего взгляда, понимая, что разносить-то меня в принципе и не за что, сменил гнев на милость. Но гаденькая мыслишка всё-таки родилась в его голове.

– Морской воздух полезен для твоей пробитой головы. Кстати, как ухо? Слышит? Бывади за это сильно переживал.

– Так это он меня сдал?

– А ты хотел, чтобы тебя в списки пропавших либо погибших при теракте занесли? Ты ему спасибо скажи, что уговорил он меня на время забыть о тебе, хотя, думаю, зря я повёлся на его уговоры. Похоже, сильно тебе башку трянуло.

– Извините товарищ генерал, всё нормально. «Вспылил, был неправ», – попытался я за избитой шуткой скрыть своё невежество и недалёковидность.

– Ну, то-то же. Значит так: завтра из министерства какие-то большие «туристы» прилетают – совещание проводить. Только раньше они в Моздок за удостоверением участника боевых действий приезжали, а эти – оригиналы оказались, в Махачкалу всех собирают. Похоже, по хорошей погоде в море искупаться решили за государственный счёт, заодно и нас научить как правильно воевать да бандитов ловить, им там, из штабных кабинетов в Москве, виднее как это делать. Не хочется мне им не то, что улыбаться, рожи их видеть не хочу. Вот ты и поедешь представителем группировки отчёт по бумажке читать. Кому как не начальнику по борьбе с организованной преступностью о бандитах и незаконных вооружённых формированиях вещать. А если взорвёшься и сгоряча правды наговоришь, так я сошлюсь, что тебя на днях контузило при взрыве, и тогда точно на комиссию и на вольные хлеба без пенсионера. Так что – дерзай!

– Спасибо, товарищ генерал. Море большое, пляжей там полным полно, надеюсь, со штабными умниками не встретимся, им-то благоустроенный да комфортабельный подавай, ну а мне что попроще сгодится. А насчёт выступлений, это Вы, Олег Валентинович, по адресу: для меня трибуна страшнее тюремной камеры, хотя бумажку Вашу, обещаю, прочитаю с выражением и без комментариев – всё равно на совещаниях говорящие головы никто не слушает, так что лишнего от меня не услышат. И на море я буду нем, как рыба, всё будет в лучшем виде, даже не сомневайтесь.

И, почувствовав, что генерал за внешней строгостью проявляет ко мне какую-то особую отеческую заботу, чтобы развеять его переживания, на душевном подъеме, совершенно невпопад добавил, вызвав его добрую улыбку:

– А у Бывади лекарь просто волшебник!!! Я к нему на следующей неделе показаться обещал.

– Всё. Свободен. Выдвигайся сегодня. Завтра в десять ноль-ноль начало совещания. Проживание в Махачкале в гостинице «Президентская».

После УБОПовского кубрика, где украшением над продавленной армейской кроватью на вбитых в стену гвоздях висит разгрузочный жилет, полностью затаренный гранатами «Ф-1» и магазинами к отдыхающему на соседнем гвозде автомату АКС-74, номер в гостинице показался просто олицетворением рая на земле с картинами и крахмальными простынями на невероятных размерах кровати.

Налив полную ванну горячей воды и запенив её первым попавшимся на глаза тубиком с непонятной надписью на иностранном языке и красочной картинкой вздыбившейся морской волны, я в предвкушении забытого блаженства медленно погрузил свое брненное тело в ароматную жидкость. И растворяясь в счастливой неге, отдаваясь только своим чувствам, не обладая ни слухом, ни голосом, запел, просто заорал на разрыв аорты:

... разомлею я до неприличности
Раскалю я себя, распалю,
И на полке, у самого краюшка,
Я сомненья в себе истреблю...

Путая слова и куплеты, я с удовольствием надрывал голосовые связки, пытаюсь хрипеть неподражаемым голосом Владимира Высоцкого, вкладывая в каждое слово всю свою душу и чувства, утопая в ощущении блаженства.

...Эх, за веру мою беззаветную
Сколько лет отдыхал я в раю!
Променял я на жизнь беспросветную
Несусветную глупость мою...

Эти завывания, больше похожие на откровения пьяного человека, наслаждающегося моментом неожиданно свалившегося счастья, наверное, превысили нормы звукового приличия в местах общественного проживания. И, набирая воздух перед очередным громогласным выплеском своих эмоций, я услышал негромкий, но настойчивый стук в дверь и осторожные манипуляции с дверной ручкой со стороны коридора незванным ночным посетителем, явно желающим быстрее проникнуть в мой номер незамеченным для посторонних глаз.

Блаженное состояние лопнуло, как мыльный пузырь, оставив огромные ошметки белой пены, налипшей бесформенными волдырями, сползающими по мокрому телу. Пулей выскакивая из ванны, я бросился к кровати за табельным оружием, автоматически схватив полотенце по пути, обматывая его, как набедренную повязку, не теряя ни секунды драгоценного времени на вытирания. Превратившись в одно сплошное большое ухо, я опустил на колено, прикрываясь стеной у замочной скважины, готовый к прыжку с нижнего старта в любую сторону, контролируя дверной проём и в то же время оставаясь ниже линии прицеливания непрошенных гостей. За дверью тоже замерли, однако присутствие притаившегося человека я ощущал всем своим телом.

Резко повернув ключ и мгновенно распахнув дверь, оставаясь в нижней точке контроля ситуации, я стволом пистолета чуть не упёрся в ажурное нижнее бельё, венчающее голые женские ноги, еле прикрытые укороченной до неприличности мини-юбкой.

– Извините, – поднимаясь и пряча пистолет за спину, пролепетал я.

– Халя, – ошарашенная таким приёмом, напрочь забыв заранее заготовленную речь, представилась барышня, произнося первую букву своего имени звуком между «Г» и «Х», выдавая южное, но явно не кавказское происхождение.

Оценив внешний вид и одинокое положение гостя в пустом, отчётливо просматриваемом во все стороны коридоре, я понял, что дамочка совершенно из другой жизни и находится здесь с абсолютно иными целями и задачами. Ещё раз убедившись в том, что это не «засланный казачок», я, извиняясь и рассыпаясь в любезностях, пригласил этот подарок судьбы в номер, чуть не поскользнувшись в луже воды, натекшей с меня во время моих приседаний, лишь в последний момент успев подхватить сваливающееся полотенце. Наш внешний вид стоил друг друга: в дверях гостя, еле прикрытая облегающим топиком и неприлично короткой мини-юбкой, напротив – хозяин, из одежды имеющий свалившееся до причинного места полотенце и пистолет «Макарова», скрываемый за мокрой спиной.

– Я услышала Ваше пение и подумала, что Вы отдыхаете один, и может Вам потребуется компания такой же одинокой девушки, – приходя в себя, начала вспоминать цель своего посещения Галина.

– Всё-таки это хоть и фешенебельный отель, но шумоизоляция здесь хреновая, – промелькнула совершенно бесполезная и совсем не уместная в данной ситуации мысль, оценивающая безопасность и комфорт гостиницы.

Это была последняя здравая мысль у меня в голове. И только после физического опустошения стало возвращаться благоразумие и отрезвление ума, вместе с которым наступило опустошение душевное, в которое мерзкой жижей медленно стало заползать осознание произошедшего и отвращение прежде всего к самому себе. Вспомнилась та гнилая, вонючая жижа, перемешанная с дерьмом, которая две недели назад на окраине Аллероя, где лежал под проливным дождём в засаде, заползала мне под одежду, полужидкая вонючая масса, пропитывая камуфляж и обволакивая тело мерзкой, холодной тягучей слизью, когда мы брали самопровозглашенного эмира этих мест.

Информацию о том, что в Аллерой зашёл «эмир» – доверенное лицо Аслана Масхадова, специалист по минно-взрывному делу – для подкупа обнищавшего населения и раздачи денег завербованным жителям на проведение подрывной деятельности в отношении федеральных сил и местных сторонников законной власти, я получил, проверяя подозрительный факт: откуда могли появиться в горах новенькие, прямо из-под станка, пахнущие ещё типографской краской настоящие доллары США. Шустрый, но не единожды обжёгшийся на фальшивках паренёк, решил проверить на подлинность полученные денежные знаки, обращая то к одному, то к другому более взрослому односельчанину за консультацией и демонстрируя хрустящие, ещё не потрёпанные зелёные бумажки с портретом американского президента.

Уже к вечеру я точно знал где, в каком доме, остановился и когда собирается покинуть село столь щедрый на раздачу денежных знаков, проблем для местного населения и смертей для невинных

людей шайтан, называющий себя эмиром. А главное я знал, что гостеприимный хозяин, умеющий крепко сидеть в седле и виртуозно управлять скакуном, но совершенно далёкий от технического автопрогресса, загнал какой-то загруженный до предела автомобиль в дальний уголок своего двора, зачем-то замаскировал его лоскутным брезентовым одеялом, укрыв от посторонних глаз, предварительно заправив под завязку, наверняка подготавливая к дальней дороге.

Но знать – это только полдела. Надо взять живым вооружённого до зубов бандита на его же территории при поддержке стаи волков в овечьей шкуре, прикидывающихся мирными жителями, в любой момент готовых ударить в спину и спровоцировать возмущения и митинги местного населения, уставшего от зачисток, проверок, боестолкновений и других всевозможных силовых операций. Впрочем, за исход операции я несколько не сомневался; с такой информацией не то, что три «СОБРовца», даже курсанты-первокурсники, смогут взять его без шума и пыли, ожидая клиента в засаде под брезентом, вызывая зависть бойцов группы прикрытия, мокнущих под проливным дождём, маскирующихся под складки местности.

Командир Пермского СОБР, на данном этапе признавая за мной только формальное руководство операцией, чётко и безапелляционно расставлял бойцов в засаде, обозначая каждому сектор обстрела и наблюдения, отодвигая меня всё дальше и дальше от предстоящих действий, верхним чутьём улавливая возможность развития событий не по складывающемуся уж очень упрощённо-красивому сценарию захлопывания мышеловки с приманкой в виде их же собственного автомобиля. Отдавая дань моей работе, должности и оперативно-розыскным результатам, но всё же реально оценивая отсутствие специально-боевых навыков, он как-то незаметно отодвинул меня на самые задворки группы прикрытия. В итоге я оказался самым крайним на правом фланге, на почтительном расстоянии от предстоящих боевых действий за сараем, почти на опушке леса, в какой-то вытянутой вдоль всего двора яме, ожидая рассвета, с наступлением которого по информации источника эмир должен покинуть гостеприимный дом.

Вместе с рассветом холодная туманная взвесь медленно превращалась в морозящий дождик, и через какое-то время небо уже заволочло свинцовыми тучами, обрушившимися на нас сильнейшим ливнем.

Твердое, как кирпич, высохшее за долгие дни палящего солнца дно моего убежища под проливным дождем стало размокать, превращаясь в обыкновенную сточную канаву, принимающую в себя стекающую с окрестностей, включая скотный двор, мерзкую вонючую жижу, перемешанную с грязью и всевозможными отходами жизнедеятельности этой самой скотины. Среди этих нечистот, вызывая грустную улыбку, промелькнула глупая, но демонстрирующая всю милицейскую действительность философская мысль, как в зеркале отражающаяся в данной ситуации: для окружающих внешне целиком и полностью, я, как представитель власти, большой начальник, нахожусь на вершине почёта и уважения, а в действительности же, бултыхаюсь в дерьме на самом дне сточной канавы.

И всё-таки нутром и всем организмом ощущая мерзость своего положения, я решил улучшить своё жизненное пространство, пренебрегая настоятельной рекомендацией командира СОБР – не высовываться из моего укрытия до финальной стадии задержания бандита. Переползая на приличное расстояние вперёд по канаве на каменный, относительно сухой уступчик, мне открылась картина, перевернувшая всё с ног на голову.

Со стороны леса, отделённые и скрытые от бойцов засады домом, сараем, всевозможным хламом и другими непонятными надворными постройками, почти не таясь, согнувшись, лишь укрываясь от колючих на ветру струй холодного дождя, шли в мою сторону два ублюдка с автоматами наперевес. Лихорадочно соображая что делать, я, как кролик на удава, смотрел на приближающихся бандитов. В довершение драматичности ситуации, усугубляя моё катастрофическое положение, словно ниоткуда, как-то ужасающе мистически материализовались, бесшумно отделившись от стены дома, ещё две огромные сгорбленные фигуры и двинулись им навстречу, на моё счастье, склонив головы и смотрящие только себе под ноги, пряча свои лица от хлещущего по глазам дождя. Я замер. Парализующее, вводящее в оцепенение страшное чувство присутствия смерти с головой накрыло меня, заставив даже перестать дышать. Но она, костлявая, вместе с громилами прошла в нескольких шагах, не обратив на меня никакого внимания, попросту не заметив застывшего, замершего в шоке с лопающимися от напряжения нервами подполковника милиции.

Бандиты встретились метрах в восьмидесяти от моего укрытия, перекинулись парой фраз на чеченском языке, и, приветствуя друг друга, обозначили подобие объятий, соприкасаясь плечами и головами, скрытыми под брезентовыми капюшонами армейских плащ-накидок. После короткой тирады одного из громил с жестикуляцией стволом автомата в сторону засады, ожидающей их с противоположной стороны дома, они все четверо заржали каким-то лающим смехом. И без какой-либо паузы на той же ноте, не то с наркоманским, не то с фанатичным оттенком безумия возопили «Алла-а-а Акбар», с протяжным звуком «а-а-а» проглатывая конечную букву «Х». Этим они явно накликали беду на свою голову, потому что, наплевав на кавказское гостеприимство, взорвав, расстреляв, уничтожив кавказское долголетие, призывая Аллаха, они прежде всего оскорбляют Всевышнего, упоминая его всуе, развязав братоубийственную войну на благодатной Чеченской земле.

Оцепенение прошло вместе с осознанием того, что нас обвели вокруг пальца. Понимая, что шило в мешке не утаить, они тонко и ненавязчиво напичкав необходимой информацией, подтолкнули нас к организации засады в определённом месте, освободив беспрепятственный и безопасный проход эмиру в лес, в его дьявольское логово. Всё стало ясно, как Божий день, но я слишком поздно понял всю хитрость и извращённое коварство их замысла.

Обида уколола прямо в сердце. Затмевающая разум ненависть, профессиональная гордость, и единственный, случайно представившийся, шанс предотвратить торжество победы бандитов отодвинуло инстинкт самосохранения в дальний угол переполненного адреналином организма.

– Оружие на землю!!! Всем оставаться на местах!!! – заорал я, срываясь на фальцет, выдавливая слова из пересохшего горла, подкрепив серьёзность намерений длинной автоматной очередью, отсекающей бандитов от леса.

Реакция последовала незамедлительно в виде шквального огня из четырех стволов одновременно, как будто они только и ждали команды на ответный удар, причём, как мне показалось, на чётко выверенную, плотную прицельную стрельбу.

Пули врезаясь в противоположный берег канавы, чавкали жижей, как чавкает беззубый рот старухи с косой по имени смерть. Реальность нелепой кончины вновь сковала ужасом дрожащий от перевозбуждения организм, но просвистевшая в миллиметрах над головой автоматная очередь заставила мгновенно воткнуться мордой прямо в грязь, после чего кубарем свалиться на самое дно ямы.

– Соппротивление бесполезно!!! – как можно громче заорал я больше даже не для бандитов, а для засадной группы СОБР, чтобы они сориентировались, кто есть кто и где находится, а самое главное, чтобы быстрее перестроились на совершенно иной боевой расклад.

Шквал огня прекратился так же внезапно, как и начался. Мгновенно наступившая тишина накрыла какой-то пугающей непредсказуемостью, не сулящей мне ничего хорошего. Не понимая что происходит за пределами моей спасительной ямы, но боясь даже выглянуть, чтобы осмотреться, я поднял автомат на вытянутых над головой руках над откосом канавы, и пустил длинную очередь в сторону бандитов, чтобы, не дай Бог, они не одумались, и в то же время сосредоточить их внимание на себе, давая возможность скорее перегруппироваться СОБРа́м. Однозначный ответ я незамедлительно получил свинцовым посланием сразу из четырёх стволов. Каждый из бандитов не жалел патронов, вымещая свою ненависть за провалившийся план на прячущемся в канаве, непонятно откуда взявшемся «федерале».

Мой очередной вопль «Прекратить сопротивление!» они восприняли по-своему. На какое-то мгновение прекратив бесполезную канонаду, они стали короткими прицельными очередями обрабатывать канаву, не давая мне ни оглядеться, ни переместиться, заставляя всё больше и больше вжиматься в мерзкую жижу на дне ямы в единственно непростреливаемом месте. Высовываться и ввязываться в перестрелку в такой ситуации стало равносильно самоубийству.

И вдруг из распахнувшихся ворот преисподней пахнуло ледяным холодом, осознанием того, что под прикрытием этих прицельных, плотных ежесекундных автоматных посланий ко мне крадётс́я смерть, которой я даже не смогу заглянуть в глаза. Подкравшийся бандит даже не покажется из-за откоса, а просто, выставив ствол автомата, зальёт мою спасительную ямку свинцовым дождём.

Дрожащими руками я перевернул полупустой магазин, заменив на притороченный изолентой, по афганскому принципу, новый. Зачем-то передёрнул затвор, выщелкнув из ствола хороший патрон, который вращаясь и описав в воздухе небольшую дугу, упал, скрывшись в вонючей жиже, освободив место в патроннике своему брату-близнецу. И приготовившись к последней дуэли, я

немигающим взглядом упёрся в границу между жизнью и смертью обозначенную откосом канавы, где непременно должен появиться кончик ствола, обрывающий мою жизнь. Сквозь автоматную трескотню я усиленно пытался уловить хоть малейший шорох, указывающий на место появления подкрадывающегося бандита.

Взывающую о спасении молитву прервали два прогремевших почти одновременно оглушительных взрыва шумовых гранат со своеобразным неметаллическим акцентом и грохот сразу десятка автоматных очередей, старающихся перекричать друг друга, сдобренных отборным русским матом. После грохота короткого боя и звуков борьбы за границами моей спасительной канавы прозвучавший до боли знакомый, грубый с хрипотцой голос командира Пермских СОБРов послышался ангельским гласом с небес, выдаваемый короткими, чёткими, отрывистыми командами с длинными, но не театральными паузами, а лишь для осознания и беспрекословного их выполнения:

– Алё-ё-ё... там, в канаве!!!..., отвоевался!!! Ствол в землю..., автомат на предохранитель...

И, дождавшись характерного металлического щелчка рычага переводчика стрельбы в верхнее положение:

– Выползай!

Ага..., легко сказать «выползай», когда тело, как не своё, ни руки, ни ноги не слушаются после пережитого. Они не размякли, не заостенели, а просто стали жить какой-то своей жизнью, делаая всё заторможено, медленно, как будто обдумывают, стоит ли им вообще это делать, выполняя команды этого сумасшедшего. Протянутая сильная, мускулистая рука командира СОБР помогла выбраться на грешную землю. И, отпустив крепкий хват, высвободив мою грязно-скользкую ладонь, спаситель сделал шаг назад, чтобы рассмотреть меня с ног до головы, заглянуть в душу и понять, что же творится именно там внутри.

– На идиота ты не похож. Да и на человека, бездумно принимающего решения, тоже как-то не сильно смахиваешь, – по-новому оценивая задержал он взгляд на моем лице, как будто впервые меня увидел. – Не понимаю; вызывая огонь на себя, ты же подписал себе смертный приговор. Шансов выжить у тебя просто не было.

– Но они бы ушли!.. Поимели бы нас – и ушли. А мы бы опять остались по уши в дерьме.

– Да ты на себя-то посмотри, чистюля ты наш! – в голос засмеялся он, мгновенно поменяв настроение. – В «Бэтээр» я тебя точно не пущу – потом неделю выветривать надо будет. На броне поедешь, заодно и помоешься под дождичком, – договаривал он уже сквозь откровенный, но безобидный смех, снимающий напряжение только что отгремевшего боя.

И в подтверждение его слов, во двор влетели два БТРа, ожидавших команды в секрете на окраине села.

– Грузи клиентов... Снимаемся... Моя машина замыкающая! – снова став беспрекословно серьёзным, начал отдавать он свои резкие с нетеатральными паузами команды, оставив до лучших времен подколки по поводу моего внешнего вида.

Как металлические шарики на огромный притягательный магнит, бойцы мгновенно скатились и облепили бронетранспортёры. Не церемонясь, затолкали задержанных в бронированное чрево машины.

– Готово.

Командир пересчитал бойцов, решая в голове одновременно сотни параллельных задач, и, удовлетворившись увиденным, примостился рядом со мной на броню. В последний раз оценивающим взглядом окинул поле только что отгремевшего боя, дал команду «вперёд».

БТРы взревели, окутав сизым специфическим дымом дворовые постройки, унося всех участников утренних потрясений на УБОПовскую базу в Ханкалу, оставив в покое тихо выполнять свою зловонную, но исключительно мирную миссию спасительную сточную канаву, незаслуженно получившую вместо меня огромную порцию смертоносного свинца.

А промокшим и озверевшим бойцам после жёсткого боестолкновения и затянувшегося маршброска под проливным дождём самой лучшей наградой стала ожидающая нас в Ханкале раскалённая градусов до ста двадцати настоящая баня, слепленная из подручных материалов с солдатской смекалкой и «Кулибинской» технологией, родив что-то среднее между русской парилкой и финской сауной. И в этом произведении солдатской изобретательности самым нуждающимся несомненно было моё многострадальное тело, облепленное затекшей под одежду ещё там, в сточной канаве,

вонючей жижей, которая, согретая моим же теплом, стала подсыхать, преобразуясь в не менее вонючую корку, вьезшуюся и лопающуюся вместе с кожей.

Оставшись в чём мать родила и настрогав ножом стружек хозяйственного мыла в тазик с замоченной одеждой, я размазал оставшийся кусок мыла по мочалке и с неопишым наслаждением стал тереть, драить скрести себя, абсолютно потерявшись в блаженстве и во времени, прочувствовав всеми фибрами души ни с чем несравнимое ощущение чистоты. После чего натянув элегантное трико и нелепые, абсурдно-грубо смотрящиеся со спортивным костюмом громоздкие, кирзовые берцы, так как кроссовки купались в соседнем с камуфляжем тазике, я переступил порог ОБОПовского кубрика, где «опера» работали с задержанными.

Дисциплинированные сотрудники встали при входе своего начальника. Доселе ни проронивший ни слова «эмир», сначала мельком бросив на вошедшего пренебрежительный взгляд, на глазах бледнея, тоже стал медленно приподниматься со стула, просто упёршись в меня испуганным взором.

Увидев кричащий диссонанс в одежде остановившегося в дверном проёме человека, при виде которого все сотрудники ОБОП встали, на полуслове прекратив свою работу, он понял, что допрос с убеждениями, увещаниями, призывами к совести и уговорами, на котором он, издеваясь и бравуруя, сидел с гордо поднятой головой, закончился. Его извращённый мозг сразу нарисовал неутешительную для него картину, не зная истинную причину моего внешнего вида, должность и полномочия, он сделал умозаключение, что это как минимум палач по его душу, спортивный костюм на нём надет для лёгкости движений, а грубые, пудовые берцы – для тяжести ударов. Вспомнив, как сам частенько издевался, жестоко избивая связанных по рукам и ногам попавших в плен русских солдат, он представил и даже заранее ощутил, что этот солдатский ботинок, пытаясь отомстить за всех замученных им лично молодых и безусых владельцев таких же некомфортных грубых берцев, влетает в район его печени, проламывая нижние рёбра, перехватывая дыхание причиняет невероятную боль, которую не все, им избиваемые, выдерживали, погибая в непереносимых муках под его надменно-садистский смех.

Даже не дав мне закрыть за собой дверь, предотвращая самим же для себя придуманный кошмарный план развития дальнейших событий, явно не сулящих ему прибавления здоровья, эмир, пытаясь заслужить снисхождение и найти защиту у заместителя начальника второго оперативно-розыскного бюро Елбазова Салмана, таратора и сбиваясь, переходя с русского на чеченский, стал рассказывать про своих заокеанских хозяев, не стесняясь, выдавая посредников, телефоны, явки и пароли. И, оправдываясь, во всех подробностях стал пояснять, как шантажируя и запугивая простых жителей, вручал им по двести долларов США, заставляя писать расписки на пятьсот, а то и тысячу долларов для того, что бы они, отработывая их, организовывали террористические акты в отношении федеральных сил и законных местных властей. В подтверждение своих слов, побаиваясь и краем глаза всё-таки контролируя мои действия и перемещения по кабинету, сказал, что во время задержания засунул пластиковый пакет с расписками под валяющийся во дворе кусок шифера.

Уже через три часа передо мной лежал пакет с расписками местных жителей, нацарапанных не всегда грамотно, разнообразно корявыми почерками и для верности с обязательным оттиском большого пальца. А эмир, рассказавший всё, что знал о заложниках, бандформированиях и их пособниках и больше не представляющий для УБОПовцев оперативного интереса, был передан коллегам из ФСБ, как ценный носитель информации по линии работы воюющих с нами бок о бок настоящих чекистов.

А я, уже, наверное, в сотый раз, перелистывая и просматривая лежащие на столе расписки, никак не мог отделаться от непонятного чувства, что что-то здесь не так, чего-то я пока недопонимаю. Это чувство ещё больше напрягло, не давая сосредоточиться на чём-то важном, что витает где-то в воздухе и никак не может сформироваться в главную мысль. И вдруг в кабинетной тишине, которую нарушало только шуршание перелистываемых мной и Елбазовым бумаг да тяжёлые вздохи от гнетущих ещё несформировавшихся мыслей, при прочтении очередной расписки Салман абсолютно безапелляционным голосом заявил:

– Алексей Викторович, – хотя он всегда обращался ко мне только по имени, с мягким несвойственным для чеченского языка произношением «Алексей», – я не поеду изымать деньги. Я знаю многих из этих людей. Никакие они не террористы, а до предела обнищавшие из-за войны обманутые работяги, у которых и хлеб на столе не всегда бывает. Я уверен, что они от безысходности взяли эти доллары. Я не буду изымать у них деньги, обрекая их семьи на голод.

От этих слов у меня в голове что-то щёлкнуло, всё сразу встало по своим местам, включилась и заработала нестандартная «оперская» мысль, стало легко и понятно что делать и как дальше действовать.

Выдержав паузу, я не менее безапелляционным голосом произнёс, как отрезал:

– Нет, Салман! Именно ты поедешь изымать эти деньги. Доллары им оставлять нельзя! Ты же сам говоришь, что они честные и обязательные люди, а это своего рода их обязательство перед бандитами. Сам я чеченского языка не знаю, а кому-то другому доверить это мероприятие просто не могу. И поедешь ты не один, а с выездной торговой бригадой продовольствия, строительных материалов, сельхозоборудования, инструментов, детских товаров. Коммерсантам я шепну, что в селе у народа появились деньги, а ты уж проконтролируй, чтобы эти, – прихлопнув ладонью стопку расписок, – отоварились по полной. А на сдачу выдавай им их же собственные расписки для уничтожения, что перед бандитами у них больше никаких обязательств нет, а эта вручаемая им бумага теперь путёвка в нормальную мирную жизнь. Только ты, Салман, сможешь найти для каждого нужные слова и сделать так, чтобы никто из наших, – указательным пальцем я чуть не упёрся в потолок, – никогда не узнали об этом пакете.

Он посмотрел на меня ошарашенным, недоумённым взглядом всегда ясных пронизательных глаз, которые неожиданно подёрнула пелена слёз. Слёз благодарности от всего чеченского народа. Я обнял его и как-то витиевато, но от всей души произнёс, что это очередной кирпичик, вложенный УБОПом в строительство вашего гостеприимного чеченского дома, сгрёб со стола все расписки, задул их в пакет и просто впихнул его в руки обалдевшему Салману.

– Действуй!!!

А сам, почувствовав наваливающуюся усталость, побрёл к себе в кубрик, и, не раздеваясь, рухнул на кровать, захрапел, едва коснувшись головой подушки, в то время как мои заместители Долгов и Шаравин обрабатывали полученную от эмира с подельниками информацию, которой хватит для работы всему РУБОПу на год вперёд.

Сон мой был крепким, но не долгим. Уже через полчаса растолкал меня Долгов со словами, что меня срочно вызывает генерал Хотин. Всучил впопыхах написанный рапорт о проведённом мероприятии и, поняв, что я окончательно проснулся, полушёпотом предупреждая только сам не зная о чём, сказал, что сейчас на нашу площадку прилетела «вертушка». Из неё вышел какой-то важный хрен с чудиками, изрядно насмешившими всех встречающих, которые, выпрыгнув из «вертушки», вращая головой, изображая из себя суперохранников, демонстративно выставили вперёд двумя руками на уровне своих морд пистолеты. И это в Ханкале-то, где у каждого встречного заряженный автомат с полным боекомплектом и в придачу в разгрузочном жилете полно гранат как минимум на час хорошего боя. Так вот; эти клоуны, пыжась от своей охранной важности, проводили гостя сначала в ФСБ, а теперь, под всеобщий хохот, к генералу Хотину, и сейчас он у него в кабинете. А за тобой прислали посыльного, чтобы ты срочно предстал пред генеральскими очами.

Только очи оказались совсем не генеральские, хотя сначала были и генеральские тоже. Хотин Олег Валентинович явно чувствуя себя неуютно в собственном кабинете, где как раз по-хозяйски расположился гость, манипулировал ручной радиостанцией и как бы случайно нажал на тумблер прослушивания радиоэфира, услышав, что сквозь треск и хрип пробиваются еле различимые голоса, сославшись на плохой приём сигнала, вышел из кабинета.

– Алексей Викторович, тебе не наливаю, – плеснув себе в стакан серьёзную порцию коньяка «ХО», судя по названию, явно из запасов Хотина Олега, без предисловий начал гость, ошарашив меня своей информированностью по поводу моей скромной персоны. – Знаю – не употребляешь.

Он медленно прошёлся по мне изучающим взглядом и продолжил:

– Помимо других наград, Вы награждены тремя орденами «Мужества». А, как Вам известно, при совершении очередного подвига либо выдающегося поступка награждённый тремя орденами Мужества может быть представлен к званию Героя Российской Федерации. То, что Вы привезли в Ханкалу эмира – это не подвиг. А вот если под моим руководством мы проведём крупную спецоперацию и арестуем всех взрывников, а по моей информации у Вас есть доказательства их террористической деятельности в виде расписок о получении денег за их подрывную деятельность, да во главе с этим эмиром, тогда я похлопочу о Вашем представлении. Этот наш с Вами подвиг по разгрому крупнейшей террористической группировки на Северном Кавказе будет доложен самому

Президенту. Поверь, я лично вхожу к нему и имею возможность влиять на формирование мнения в его ближайшем окружении.

Замаячившая Звезда Героя Российской Федерации поставила меня перед непростым выбором: на одной чаше весов этот напыщенный гость со всем президентским окружением, на другой – Салман Елбазов с благодарными жителями Чеченской республики, для которых, наконец-то, замаячил путь к долгожданной мирной жизни.

– Извините, это не террористы, а обыкновенные работяги, перебивающиеся с хлеба на воду. А реальных террористов, эмира с подельниками, которые оказали нам серьёзное вооружённое сопротивление, мы взяли, и с ними сейчас уже работают в ФСБ.

– Да наплевать мне на твоего эмира и на работяг твоих навалить мне большую кучу!!! – мгновенно взорвался он, перейдя на крик. – Мне нужна крупная спецоперация по разгрому террористического подполья. Так что быстренько принеси мне расписки и можешь быть свободен, – с раздражением бросил он мне, как шелудивому котёнку.

Но я себя тоже не на помойке нашёл, хотя и сподобился барахтаться на самом дне сточной канавы, но то, что я потерял совесть, офицерскую гордость и человеческое достоинство, меня никто не может упрекнуть. Поэтому, закипая неподдельной злостью, но всё-таки стараясь подбирать приличные слова, осознавая важность положения моего собеседника, я ехидно спросил, стараясь закосить под дурачка, что не раз выручало в общении с влиятельными персонами:

– А откуда у Вас информация, что у меня есть какие-то расписки?

– Не твоё собачье дело – где и чего я узнаю! У меня есть свои информаторы. А ты принеси бумаги и ступай восвояси! Когда понадобится – позову.

У меня рухнуло забрало. Планка приличия упала, порушив последние остатки уважения к заправшемуся хаму.

– Так вот; у своих информаторов и забирайте нужные Вам бумаги, а от меня кроме рапорта о проведённом мероприятии Вы ничего не получите.

У гостя взлетели вверх брови, поджатые губы, превратившись в тонкие сине-розовые полоски, заметно задрожали, учатившееся дыхание показало, что с ним вообще впервые разговаривают в таком тоне. И вдруг он после минутной паузы, совершенно не контролируя себя, размахивая до неприличия ухоженными ручонками, просто завизжал, распаяясь с каждым словом.

– Ты, мразь!!! Как ты со мной разговариваешь?!? Я тебя сгною!!! Ты никогда не получишь свою Звезду Героя, как бы ты не пыжился – это я тебе гарантирую!!! Ты сам выбрал свою судьбу, я тебя просто размажу!!!

– Уважаемый товарищ из Москвы! – как можно спокойнее произнёс я, ещё больше выводя его из себя своей внешней невозмутимостью. – Не знаю, как к Вам обращаться – Вы даже не представились. И, кстати, для информации; Вы приехали в Чечню. Это не самое подходящее и безопасное место, где можно шантажировать и угрожать вооружённому человеку, только что вышедшему из-под бандитских пуль с ещё не остывшими от боя головой и автоматом.

Поняв весь смысл последних слов, он подавился воздухом, хватая его открытым ртом, не произнося не звука. И только не вовремя вошедший генерал Хотин разрядил ситуацию, приняв на себя весь его гнев, задав совершенно невинный вопрос.

– Я не помешаю?

И тут чинушу прорвало:

– Товарищ генерал, Вы что здесь себе позволяете?!? Устроили здесь колхоз!!! Превратили здесь всё в анархию! Вы у меня этот колхоз надолго запомните!!! Работяги у них, колхозники...

И возмущаясь, посылая проклятия и угрозы во все стороны – мне, Хотину, оперативной группировке и всей Чечне, вместе взятой – опрокинув стул, он направился к выходу. Но, столкнувшись со мной взглядом, резко остановился и визгливым голосом крикнул на своих охранников, при этом стараясь расположиться так, чтобы между нами оказалась огромная фигура генерала. После чего, считая ниже своего достоинства общение со мной, он приказным тоном сказал Хотину, чтобы тот удалил меня из кабинета.

Придя к себе в кубрик, я бросился на кровать. Но мне уже было не до сна; в душе всё клокотало, было и обидно, и противно одновременно. Я вновь переживал каждое мгновение этого разговора, каждая клетка уязвлённой души негодовала, просто криком кричала от цинизма, оскор-

блений и незаслуженного унижения. Я крутился на кровати, не в силах успокоиться, всё больше и больше убеждаясь, что сделал правильный выбор, что с этой высокопоставленной тварью мне не по пути.

Не находя себе места, метался по кубрику, как тигр в клетке, погружённый в свои мысли, я, неожиданно даже для самого себя, ничего не замечая на своём пути, вышел в коридор, где упёрся лицом в приспособленный СОБРовцами для своих тренировок боксёрский мешок, который и стал громоотводом моих эмоций. Только, в отличие от голливудских звёзд, которые одним ударом пробивают, разрывая в клочья боксёрские груши, я, дубася его руками и ногами, изрядно разбил в кровь только свои кулаки, не причинив спортивному снаряду никаких повреждений. Зато основательно облегчил душу. За этим занятием и застал меня посыльный, сообщив, что Олег Валентинович Хотин снова немедленно приглашает к себе в кабинет.

Генерала я застал одного, сильно озабоченного, но, судя по тому, что он был погружён в себя, взвешивая какие-то только ему подвластные «за» и «против», я понял, что не посещение этого упыря ввело его в тяжёлые думы. О том, что упырь почти сбежал, прикрываясь своими клоунами, мне по пути к Хотину стукнул вездесущий Хаджибеков.

– Да, уж, Алексей!.. Умеешь ты найти приключения на свою задницу, – начал генерал, как только мы остались в кабинете вдвоём. – Этот Прилипенко соответствует своей фамилии, прилипает к чужим деньгам и славе, как банный лист, сам знаешь, к чему. А уж если кто ему не понравится или, не дай Бог, поперёк дороги встанет, прилипнет так, что всю душу вынет, устроит геморрой по полной программе. И ко всем твоим неприятностям, «ментов» он просто ненавидит, считая себя белой костью, так что готовься. Он мастер интриг. Его метод прост, но до одури эффективен. Он пройдётся по твоему руководству, вбивая клин между тобой и каждым из них в отдельности, ненавязчиво подталкивая их, заходя к шефу, высказать о тебе всякую гадость, которую он сам же лихо и вольёт им в уши. После чего, имея доступ к телу, объединит эти как бы разрозненные высказывания, разных руководителей и подытожит со своими выводами, в которых ты, Алексей, сам себя не узнаешь. Но главное – мнение о тебе уже будет сформировано, и никогда ты от него не отмоешься, как быстро отмылся от Аллеройского дерьма.

– Ахренеть!!! Здесь, что, блин, секретов вообще не бывает!?! Всего полдня прошло, а я так понял, что вонь из Аллероя уже и до Вашего кабинета докатилась. Весело!... А на этого Прилипенко клал я с большим прибором! Я не для него здесь жилы рву, хотя умеет он, сволочь, за живое задеть, Звезду Героя сулил, если я совесть продам.

– А ты уверен, что ты прав?...

Мы оба поняли, о чем идёт речь.

– Время покажет..., но напутственные слова протоирея отца Владимира Тимакова – жить по совести, без страха и оглядок – я не запачкал даже на дне Аллеройской канавы.

– Иди, и дай Бог, чтобы всё получилось по-твоему.

В сложившейся ситуации только на Бога и осталось уповать. Поэтому, придя к себе в кубрик, я рухнул на кровать, достал из внутреннего кармана маленькую, 5 на 6 см иконку Святителя Спиридона Тримифунтского, подаренную мне моим близким человеком, Александром Васильевичем Зверевым, которого я не могу называть другом, он для меня нечто большее, чем друг, он Зверев Сашка, или просто Василич. Лёжа на кровати, я не молился, ничего не просил, а просто разговаривал со Святителем Спиридоном, не произнося вслух ни слова, чувствуя, как по телу разливается умиротворённость, успокоенность и понимание правильности своего выбора. Спасибо Василичу с его красавицей женой Леночкой, которые на заре нашей дружбы, вернувшись с Корфу и вручая этот дар, одухотворённо рассказывали житие святого, навеки связали меня искренней любовью со Святителем Спиридоном, которую незримо стократ сильнее я получаю в ответ. Я ему просто по-сыновьи рассказываю свою жизнь, а он с иконы смотрит на меня всегда разным: то грустным, то весёлым, то озабоченным взглядом, держа в руке камень, из которого вверх вырывается пламя, и одновременно вытекает вода. Это он на Никейском соборе таким чудом доказал триединство Господа – Отца и Сына и Святого духа. А мне отдельно, строго по-отечески показывает, что помогает он только людям с чистыми, как ключевая вода, помыслами, твёрдыми, как камень, убеждениями и пламенной душой.